

✦ Вопросы теории и методологии

UDC 303.01

DOI: 1606-951X.2015.2.2083

Е. Н. ИВАХНЕНКО

В ПОИСКАХ СТРАТЕГИИ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: ОТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ К АНАЛИЗУ ИСХОДНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Аннотация: Статья посвящена проблеме поиска неклассических подходов к построению социальной теории. Автор направляет свой исследовательский интерес на эпистемологический потенциал исходных различий, которые считает аналитическим основанием для последующего развертывания основных понятий теории общества. В качестве первичного исходного фона в разработке стратегии такой теории, по аналогии с феноменологическим опытом (Э. Гуссерль, В. Молчанов), выступает анализ различий в логике Дж. Спенсера Брауна. На переднем плане анонимно заданного фона выстраиваются интерпретации – предметная область системной теории коммуникации (Н. Луман) с её операциональными терминами, определениями и дескрипциями. Социальная теория, по мнению автора, должна строиться на стыке, границе, в точке соприкосновения двух исследовательских опытов – аналитического и интерпретационного. Далее автор прослеживает некоторые перспективы выбранной стратегии построения социальной теории.

Abstract: The article tackles the quest for non-classical approaches to the construction of social theory. The author directs his research interest to the epistemological potential of initial distinctions, which are considered as the analytical basis for a subsequent deployment of the main concepts of social theory. The primary basis in the development of strategy for such a theory, by analogy with phenomenological experience (E. Husserl, V. Molchanov), is the analysis of distinctions in the logic of J. Spencer Brown. Various interpretations are constructed in the foreground of the anonymously chosen context. They act as the subject field of a systemic theory of communication (N. Luhmann) with its operational terms, definitions and descriptions. Social theory, according to the author, should be based at the intersection of the two research experiences – the analysis and the interpretation. Further, the author considers some prospects of the chosen strategy for the construction of social theory.

Ивахненко Евгений Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: ivahnen@rambler.ru.

Ключевые слова: анализ, интерпретация, различение, системная теория, контингентность, непредсказуемость, аутопойезис, коммуникация, эволюция.

Keywords: analysis, interpretation, differentiation, system theory, contingency, unpredictability, autopoiesis, communication, evolution.

1. Постановка проблемы

Как-то, читая стихотворение И. Бродского, я задумался над смыслом двух строк в последнем, двадцатом сонете к «Марии Стюарт»:

Случайное, являясь неизбежным,
Приносит пользу всякому труду.

Эти строки вызвали ассоциацию с замешательством, которое ранее испытал при чтении фрагмента Нобелевской лекции (1987), в которой поэт называет язык «колоссальным ускорителем мышления», а себя — тем человеком, который «испытав это ускорение однажды», попадает «в зависимость от этого процесса» — когда «будущее языка вмешивается в его настоящее». Дальше больше: в памяти всплыло туманное, на первый взгляд, высказывание М. Хайдеггера в «Изречении Анаксимандра»: «Мышление должно стихослагать над загадкой бытия»; и вслед за этим — заключительные строки в известном стихотворении Б. Пастернака:

И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

Возникло предчувствие, что эти незатейливые находки выводят на нечто значимое в понимании того, над чем работаю в последние годы — системной теории коммуникации.

Тогда и сейчас для меня были и остаются не столь важными вопрос: откуда истекает и куда вливается интерес поэта к случайности? Куда важнее то, что всплывшие в памяти фрагменты смутно, но настойчиво выводили на другие, связанные с профессиональным интересом проблемы: почему случайность рассматривается здесь как нечто производящее новизну? наполняют ли устоявшиеся в русской литературе коннотации слова/категории/понятия «случайность» те смыслы, которые дают намек на порождение нового, «полезность», «загадку бытия...» и т.п.? И, самое главное: какое отношение все это имеет к осмыслению коммуникации языка, социальности и, в конечном итоге, попыткам построения социальных теорий? Признаться, последний вопрос оказался совсем уж далек от подмеченных поэтизированных интуиций. Но обо всем по порядку.

В философских словарях интерпретация случайности подается через соотнесенность («диалектическую») с необходимостью. Причем случайность относительна, а необходимость выступает со стороны закона. Гегелевская интерпретация категории, продолженная и развитая в марксизме, представляет ее как проявление неотъемлемого дополнения к законам необходимости. К примеру, Маркс указывает на особую роль случайности в истории. Тем не менее, источник случайного порождения события не наделяется им какой-либо субстантивностью, а остается результатом пересечения независимых событий, которые, став историческим фактом, тут же проходят проверку на необходимость — объективную логику истории.

Не трудно убедиться, что подобная интерпретация случайности не стыкуется с предложенными смыслами: «являясь неизбежным», «чем случайней, тем вернее»... Гораздо ближе к ним английское слово «контингентность» (contingency). Перевод-

чики, не находя более подходящего аналога, чаще всего переводят «контингентность» на русский язык как «случайность». Тем не менее, контингентность несет в себе смыслы, которые отсутствуют в русскоязычных коннотациях случайности.

К примеру, контингентность включает смысл «всегда возможно и иначе» или накладывает ограничение на необходимость того, что нечто произойдет гарантированно, так и ограничение на то, что это нечто не произойдет никогда. Эта едва уловимая подвижка смысла понадобилась Р. Рорти для обоснования своего антифундаментализма, хотя в переводе названия его книги на русский язык используется все тот же аналог — «случайность» [8]. Констатируя смысловое несовпадение русской «случайности» и английской «контингентности», я вовсе не намерен бросать камень в огород переводчиков. Бесконечно им благодарен — впервые книгу Рорти прочитал на русском в их переводе. Предложенная констатация несовпадения смыслов, на мой взгляд, позволит взглянуть под другим углом как на выше процитированные строки поэтов, так и на возможность глубже вникнуть в природу языковой и социальной коммуникации, а в конечном итоге — на осмысление существующих стратегий построения социальной теории. Этой задаче и отдан последующий текст настоящей статьи. Рассмотрим проблему в порядке первичного к ней приближения.

Первоначально обратим внимание на проявление контингентности в системе «язык-коммуникация». Обыкновенно этот вопрос рассматривается в русле субъект-центрированного подхода, как проблема сознания человека и его взаимодействия/обмена с сознаниями других людей. В основе такого подхода субъекты — распорядители своих языковых систем. Им вменяется, в интересующем теоретическом раскладе, использовать язык в качестве вербализованных актов самосознания. Люди либо говорят то, что думают, проговаривая свои мысли, либо за разговором их скрывают. В том и другом случае языку приписывается функция инструмента мысли, тогда как сама мысль (сознание) субъекта остаются субстанцией, которая к тому же располагает свойством репрезентации объектов мира (Декарт). Так проявляет себя субъект-центрированный разум.

Кант, хоть и возражал против репрезентативности индивидуального сознания, тем не менее, всеми своими тремя великими «Критиками» вдохнул новую жизнь в субъект-центрированную философию разума. В последующей, после Канта, истории философии мы находим целую россыпь подходов, предложенных европейскими интеллектуалами XIX в., которые с различной степенью успешности укрепляют или преодевают парадигму субъект-центричности: от Гегеля и Маркса до Фуко и Деррида.

Альтернативой субъект-центричности в социальной философии можно считать коммуникативный подход. Историко-философское различие альтернатив четко показано Ю. Хабермасом в «Философском дискурсе о модерне» [11]. Им же была выдвинута оригинальная теория коммуникативного действия [12]. Н. Луману принадлежит заслуга открытия иной, системной, стратегии построения теории коммуникации, а в конечном итоге — начал системной теории общества. Подходы Хабермаса и Лумана не сводятся к какой-то единой теории коммуникации. Тем не менее, они едины в стремлении создать европейский проект расставания с субъект-центрированным разумом и метафизикой целерациональности, присущей большинству социальных теорий. Не останавливаясь на различиях подходов Хабермаса и Лумана, выделю наиболее значимые для осмысления контингентности социальной коммуникации смысловые единицы.

Прежде всего, отмечу, что системная теория коммуникации сориентирована не столько на вопросе, как осуществляется тот или иной конкретный коммуникативный акт, сколько на вопросе, поставленном в радикально кантовском смысле: *как возможна коммуникация?* Ответ на подобное вопрошание предполагает соблюдение одного условия — это отказ от того, что сознание надделено «такими-то» привилегированными и трансцендентальными по происхождению качествами. Принимая данное условие, следует использовать уже не понятие субъекта со всеми приписываемыми ему привилегированными особенностями сознания — унаследованными и приобретенными, — а понятие *наблюдателя* с четким набором системных признаков. Об индивидуальности наблюдателя можно говорить, но только как об индивидуальности все тех же системных признаков.

Определение границ акта коммуникации и самой возможности его осуществления включает в себя ответ на вопрос: *чем* на самом деле обусловлена позиция наблюдателя? Луман высказался на этот счет вполне определенно: наблюдатель — всегда *оперативно замкнутая система* со строго определенным набором свойств. Проявлению системных свойств немецкий социолог посвящает свои многочисленные статьи, лекции, монографии, среди которых следует выделить итоговое «пятикнижие» — «Общество общества» [5]. Как представить себе наблюдение, если не рассматривать самого наблюдателя как систему?

Но если наблюдатель — это оперативно замкнутая система, то в качестве такового мы можем рассматривать не только отдельного человека, но и социальные системы, которые в ходе эволюции осуществили оперативное замыкание, обрели собственные границы и системный механизм аутопойетического развития («самореференция / инореференция...»). Такими социальными системами внутри Общества Луман называет деньги (мировые финансы), власть... и науку. Как наука может наблюдать, сама, не будучи системой... системой с социальной зависимостью? Следуя принятой установке, Луман принципиально радикализирует вопрошание: «Как мир делает так, что он может наблюдать сам себя, что он сам распадается в *различие* [курсив мой. Е.И.] наблюдателя и наблюдаемое?» [4, 63]. Выделенное «*различие*» принципиально важно, так как именно различие лежит в основании анализа выбора направления стратегии разработки социальной теории.

Отправным пунктом в осмыслении системной теории, по моему мнению, может служить тезис, предложенный самим Луманом. Он прост, оригинален и даже тавтологичен — *коммуникация осуществляется только через коммуникацию и не что другое*. Иначе говоря, то, как развивается коммуникация, понять можно только из механизма ее самой, а не, из нашей, казалось бы, очевидной способности узреть в продуктах коммуникации суть ее операций, как это иногда бывает, когда указывают на способность личности обмениваться своими актами сознания с собеседником.

Выдвигая данный тезис, Луман прямо указывает на его связь с положениями, предложенными в 1970-е гг. прошлого века У. Матураной и Ф. Варелой. Эволюция, как писали чилийские нейробиологи, не является продуктом какого бы то ни было продуманного плана, а — естественного дрейфа; она творит по аналогии с блуждающим по миру скульптором, а именно — так, как позволяет структура находок. В нашем случае важно подчеркнуть, что коммуникация, как и сама биологическая жизнь, не оставляет следов своих начал и не воплощает в своих конкретных проявлениях (акт коммуникации, клетка, организм и т.д.) самого способа, которым они порожде-

ны [6]. Данное положение становится весьма значимым при рассмотрении таких систем как язык, локальные сообщества, образование, Интернет, фондовые рынки общества и др.

Из сказанного следует, что нет какой-то рациональной коммуникации, которая, в строгом смысле слова, развивалась и разрасталась бы за счет предложенных/навязанных нами рациональных схем, проектов или моделей. Напомню, что речь не идет о прикладных теориях коммуникации, своего рода коммуникативной компетентности, когда целью является успешная локальная, вырванная из контекста системного различия, деятельность, та или иная — PR, пропагандистская, рекламная и т.д. Речь идет о коммуникации как системной теории общества, в рамках которой вопрос: как возможна коммуникация? сближается по смыслу с вопросом: как возможно общество? В этом отношении, не следует полагаться на то, что где-то в глубине коммуникации спрятано неразложимое ее начало или закон «правильного» ее построения, ожидающий своего открытия, как Америка ожидала своего Колумба. Практически всегда, когда мы рассматриваем оперативно замкнутые коммуникативные системы, мы наталкиваемся на их упомянутое свойство — не оставлять следов своих начал, — походить на русскую матрешку, но такую, в которой не удастся обнаружить последнюю, неразборную фигурку.

Бесперспективным в такой ситуации становится поиск субстантивного начала или первоэлемента коммуникативного действия или поиск в конкретных проявлениях/результатах того или иного коммуникативного акта суть способа его порождения. Коммуникация такого рода строится не на предустановленных нашим сознанием принципах «какой она должна быть», а на анонимной *логике различений*. При этом сознание (равно, осознание) коммуникативного акта всегда проявляет себя после того, как механизм различений уже сработал. Мы каждый раз исходим из того, что объяснить коммуникативную ситуацию можем лишь позже, когда осуществился/состоялся ее очередной акт. Другими словами, сам механизм процессирования (не могу обойтись без этого слова) языка, общества и других оперативно замкнутых систем определяется не предустановленной рациональной коммуникацией, а тем, что мы можем назвать «коммуникативной рациональностью». Ситуация в действительности выглядит так: контингентное (вот где понадобилось это понятие) порождение коммуникации только задним числом признается рационально обоснованным и предопределенным кем-то результатом — реализованным проектом, принципом, воплощенной идеей и т.д.

Таким образом, формулируется тезис: *социальная коммуникация выстраивает саму себя через себя же, осуществляя тем самым аутопойезис (самостроительство)*. Над ней не стоит никакая предустановка индивидуального или коллективного сознания. В этом отношении коммуникация, подобно эволюции, непредсказуема. И вовсе не следует полагать, что за признанием коммуникативной (контингентной) непредсказуемости должен следовать отказ от ответственности личности за свои поступки или же тезис о бесполезности/бессмысленности выдвижения любых социальных проектов.

Во-первых, рассуждая последовательно легко убедиться в обратном. Установка на отсутствие предустановленного сущностного закона социальной коммуникации, в широком смысле слова, предполагает куда большую ответственность, чем тогда, когда кто-то руководствуется в своих социальных действиях «неоспоримыми» «законными» доказательствами того, каким должно быть общество и каким оно будет,

если кто-то не помешает этому. Опыт истории показывает, что самые безответственные и жестокие социальные действия чаще всего исходят от тех интеллектуалов и их последователей, которые берут на себя роль бескомпромиссных проводников «законов» общества. Насилие — социально-политическое, военное, интеллектуальное, физическое — наиболее вероятное следствие установки на подгонку всех к «истинному» пониманию того, как и куда должно развиваться общество. Прошедший XX в. оставил достаточно тому свидетельств. Наступивший XXI-й продолжает эти свидетельства множить, но уже в ином, глобальном, масштабе — на подкрепленной силой твердой и непоколебимой уверенности в том, каким должно быть мировое общество в целом. Похоже, что обвинение в «нищете историцизма», брошенное К. Поппером «закрытым обществам» в середине XX столетия, в начале XXI-го следует предъявить западному центру глобальной суперсилы.

Второй аспект непредсказуемости требует более расширенной аргументации. По существу, мы сегодня, как и те, кто жил столетиями до нас, не находим рационально убедительного ответа на вопросы: куда (к чему) движется человеческая история? Есть ли (и каков он) смысл истории? Есть основания полагать, что на эти вопросы и те, кто будет жить после нас, так и не получают исчерпывающего ответа. Разве, что в качестве конечного смысла истории будет засчитано последнее («предсмертное») состояние человечества. Наряду с этим, всегда были и, вероятно, всегда будут попытки интерпретировать и объяснять развитие общества со стороны его внутреннего закона, «разгаданной» сущности, исторической миссии, предназначения человечества или чего-то подобного. Все эти попытки наполняют гуманистическим содержанием русло человеческой истории. Потребность в очеловечивании механизмов продвижения истории будет всегда, пока будет существовать культура. Однако гуманистическое наполнение не следует путать с механизмами разрастания общественных систем.

Рамки журнальной статьи вынуждают ограничиться только несколькими аргументами обоснования выбора одной из стратегий построения социальной теории. В нескольких словах, ее суть заключается в исходном предпочтении *анализа* механизмов социальной коммуникации по отношению к исходной *интерпретации* предметных областей, вербализованных определений, истолкований и дескрипций. В основе обозначенного, неклассического, подхода следует положить идеи и тексты ученых из разных областей знания — это: неограниченный семиозис Ч. Пирса [15], образование смысла в словоупотреблении в семиологии Ф. де Соссюра [9], законы формы в логике Дж. Спенсера Брауна [16], аутопойезис эволюции живых организмов в биологии У. Матураны и Ф. Варелы [14]. На операции различений, как уже было отмечено, строит свою теорию социальных систем Н. Луман — один из наиболее загадочных и «труднопрочитаемых» социологов современности. Системная теория коммуникации, построенная на логике различений, по меньшей мере, заслуживает того, чтобы ее изучали, те, кто по интересам или же по роду своей профессии связан с социально-гуманитарными и историко-философскими исследованиями. Разумеется, выбор — разбираться в этой теме или оставить ее за пределами своих интеллектуальных устремлений — за самим читателем.

В приведенный перечень авторов, причастных к повороту к новым стратегиям построения социальных теорий, следует внести имя Виктора Молчанова, известного отечественного феноменолога. В своих исследованиях В. Молчанов разводит по углам аналитику различий и интерпретацию различий понятий/определений/терми-

нов [7]. Есть различия и различия. Применительно к феноменологическому опыту, аналитические различия – это исходные/потаенные различия внутреннего опыта сознания, которые подводят к видимым предметным различиям. Они, в нашем постижении мира, выполняют роль фона, который сам по себе не обнаруживается, но позволяет обнаружить передний план объектов, по аналогии с наличием света, наличие которого само по себе может не приниматься в расчет, когда мы рассматриваем или различаем предметы, лежащие у нас на столе.

Интерпретативные различия – это различия уже идентифицированного: предметных областей, определений, вербализованных установок и т.д. Эти вторичные различия следовало бы назвать разделениями. Речь вовсе не идет о дезавуировании одного типа различий другим. Речь идет о *границе*, с одной стороны которой «опыт, как работа внутренних различий», с другой – интерпретация предметно определенного и высказанного (синтез и ассоциация). Мир, согласно феноменологическому ходу В. Молчанова, реконструируется в сознании на границе, в точках соприкосновения аналитического и интерпретативного. Исходные аналитические различия представляются им не каким-то подобием первообразов вещей или идеями-эйдосами, но – как «первозданная иерархия различенностей, как предданное строение мира» [7, 43].

В. Молчанов, следуя феноменологической традиции, в анализе различий усматривает совпадение двух иерархий – иерархии различенностей как предданного строения мира и иерархии внутреннего опыта сознания. Определенно, такой ход размышлений перекликается со стремлением Лумана использовать логику различий Дж. Спенсера Брауна, в качестве своеобразного фона своей системной теории. Логика различий Спенсера Брауна, по аналогии с феноменологией Гуссерля, является «преднаходимым» в избранной Луманом стратегии построения теории коммуникации. Первое различие для Спенсера Брауна является ключевым: все остальные различия выстраиваются на его основе автоматически. «Проведи различие [draw a distinction] иначе вообще ничего не поучится, – отмечает Луман [4. 75]. Развивая свою системную теорию, Луман оставляет исчисление различий Спенсера Брауна, как было сказано, только в качестве фона, на переднем плане которого развертывает системную теорию, которая, в свою очередь, с трудом увязывается с устоявшимися набором теоретических понятий об обществе и механизмах его функционирования [2].

Далее в настоящей статье приводятся только несколько понятий из тезауруса различий, которые используются в качестве исходных для построения социальной теории (1); кратко демонстрируется то, как работают некоторые звенья коммуникативных различий (2); и на этой основе подкрепляется тезис о непредсказуемости инновационного разрастания коммуникативного поля языка и социума в целом (3).

2. Тезаурус различий

Тезаурус различий распознается, как правило, только после знакомства с текстами вышеупомянутых разработчиков коммуникативной эпистемологии и остается практически закрытым в случае, если такого знакомства еще не состоялось или оно было фрагментарным.

В обозначенном направлении коммуникативной эпистемологии, используется иной, отличный от субъект-центрированного, тезаурус: «*различение*», «*граница формы*», «*повторное вхождение формы*» (*reentry*), «*примыкание*», «*конденсация*», «*оперативно замкнутая система*», «*структурное сопряжение*», «*самореференция-инореферен-*

ция», «индикация-дистинкция», «наблюдатель первого порядка», «наблюдатель второго порядка», «двойная контингенция», «аутопойезис коммуникации»...

Ограничусь лишь двумя утверждениями, которые служат, на мой взгляд, своеобразными маркерами предложенного коммуникативного измерения социальности:

система всегда есть различие между системой и окружающим миром;

мы имеем дело с миром, в котором всё, что может быть наблюдаемо, неожиданно становится контингентным (непредсказуемым) в зависимости от выбранных различий и др.

В нашем случае следует отказаться от привычного ценностного маркирования дихотомии *неопределенность-предопределенность*, когда за первой ее частью закрепляется то, что должно быть исправлено, за второй — то, к чему необходимо прийти в ходе мыслительного или деятельного акта. По инерции мышления, заполученной от начального (классического) представления о системах и их постижении, чаще всего мы склонны рассматривать неопределенность, как нечто нежелательное, что вытекает не из самого объекта, а является результатом неполноценности/ошибочности его познания. Потому от непредсказуемости следует избавиться или блокировать ее посредством более точного и выверенного научного анализа. Достижение в этом вопросе исчерпывающей ясности, простоты и предсказуемости — это то, к чему должны стремиться как ученые-естествоиспытатели, так и те, кто изучает общество. Основания для такой установки на предсказуемость, простоту и общезначимость конечного результата заложены классическим естествознанием.

Практически все открытия в естествознании, сделанные с XVII по XX в., так или иначе связаны с эпистемологической установкой на поиск законов (функций), скрытых в структурах изучаемого объекта. Триумфом подобной предсказуемости считалась «Теория неба» с ее точным расчетом движения планет солнечной системы. Со времен Исаака Ньютона идеалом классического знания остается точное предсказание того состояния, в котором объект будет находиться в следующий момент времени. Чему, казалось бы, здесь можно возразить?

Однако уже в середине XIX в. наука стала отделять методы физики от методов биологии, которая взяла на вооружение виталистские или эволюционистские представления о развитии. В отношении знания об обществе и человеке еще сохранялась надежда, что в их недрах можно отыскать законы регулярности человеческого поведения, так же как из недр вселенной Ньютон «вырвал» закон тяготения. Генри Бокль, например, объяснял в XIX в. неспособность историков создать четкую «продуктивную науку» только тем, что среди ученых-историков еще не было мыслителей такого масштаба, которые были среди математиков, физиков и химиков. Обобщением истории, полагал он, еще не занялись личности масштаба Галилея, Ньютона или Лапласа [1, 73-74]. Конт, Ренан, Энгельс, Плеханов — список имен довольно значителен, — все они искренне отстаивали убеждения, что если должным образом («научным») систематизировать причины и следствия, то будут ясны схемы развития событий, а значит — будут предсказуемы. К концу XIX столетия стало понятно, что естественнонаучное и социально-гуманитарное знание не скроены по одному методологическому лекалу. Иначе к решению этой эпистемологической задачи отнеслись неокантианцы, В. Виндельбанд и Г. Риккерт, которые, избегая позитивистских обобщений, предложили разделение наук на номотетические (генерализирующие) и идиографические (индивидуализирующие).

На протяжении всего XX в. европейские интеллектуалы с разных позиций атаковали смысловые обобщения, порожденные философией модерна, которая предписывала поиски глобальных ментальных синтезов, принципов организации всякого сознания, исторического макросознания, единой историографии и т.д. Критиками философии модерна – Ницше, Хайдеггером, Хоркхаймером, Адорно, Батаем, Фуко, Деррида и др., – были предложены различные концептуальные модели ее преодоления. Фуко, к примеру, полагал, что историк имеет дело не с какой-то смысловой тотальностью, а с «популяцией рассеянных событий» [10, 63].

Крупные типы дискурсов – философия, религия, историография – в философии модерна представлялись как некие духовные непрерывности, своего рода макросознания, развивающиеся в сторону все большего прояснения истоков и заложенных в них основополагающих смыслов. Фуко, отказываясь от поисков якобы что-то объясняющих «интерпретационных» определений – «ментальность», «дух», «исторический процесс»..., – предложил рассматривать их в плюрализме возникающих без всяких правил и тут же исчезающих островков дискурса. Критический историк, по его мнению, преодолевает метаисторию с ее ложной непрерывностью и обращает внимание на разрывы, пороги, мелкие незначительные факты повседневной городской и сельской жизни. То или иное толкование мира всегда втиснуто в семантические рамки – «формации дискурсов», – которые заключают в себе прерывистую последовательность необоснованных в своей сущности знаков. Формации дискурсов, по Фуко, происходят из практик власти, которые в свою очередь лишены каких-либо предзаданных правил. Поэтому, считает автор «Археологии знания», формации дискурсов не укладываются ни в какие универсалии и всегда «могут быть иными».

Таким образом, в основе дискурсивных практик Просвещения, было заложено стремление обнаружить основополагающие принципы построения природы, общества, сознания. Поиск единого управляющего уровня (закона, принципа или схемы внутреннего устройства и т.д.) остается в наше время чем-то похожим на остаточную манию генезиса. Такому образцу (input/output) еще в 50–60 гг. прошлого столетия следовало и первое выдающееся поколение создателей кибернетики, науки об управлении – Шеннон, Нейман и Винер. Но уже в синергетических моделях развития второго поколения кибернетиков (Г. Хакен, И. Пригожин) неопределенности и случайности стали признаваться свойством некоторых объектов природы самих по себе. Здесь следует обратить внимание на пограничные (естественнонаучные/гуманитарные) аспекты синергетики, разрабатываемые такими отечественными исследователями как С.С. Хоружий и Д.С. Чернавский. Аналогично, в системной теории коммуникации контингентность стала рассматриваться в качестве креативного момента совместного конструирования социального мира в поле языка и перформативного социального действия.

3. Коммуникативные различия

Чтобы прояснить то, как работает логика коммуникативных различий, останемся главным образом на связке трех элементов коммуникативного действия. Это: *сообщение – информация – понимание*. Коммуникацию делает возможной отношение этих трех элементов, которые не совпадают, но в этом их качестве «несовпадения» являются условием ее осуществления. Не трудно предположить, что утверждение Н. Лумана – «информация в сообщении сама по себе не содержится», – встроено в

различия вышеприведенных трех элементов коммуникации, вызовет недоумение со стороны тех, кто осмысляет коммуникацию исключительно в прикладных или интересубъективных интерпретациях.

Понимание операциональных свойств коммуникативных различий позволяет понять то, *как* непредсказуемость и случайность, могут служить условием разрастания системы «язык-коммуникация-общество». Следуя данной установке, необходимо приведенное утверждение Лумана – «информация в сообщении сама по себе не содержится» – подкрепить другим, а именно – «в коммуникации не передается какой-то неразложимый элемент сообщения». Информация не присутствует в сообщении, в сообщении потенциально присутствует то, что в разных системах становится информацией. Функциональными эквивалентами сообщения могут служить: живая речь, магнитофонная кассета, жесткий диск ПК. Самое распространенное заблуждение, что информацию можно «передать» (как переписать на другой носитель) от одного субъекта другому. Передать/обменяться невозможно если понимать коммуникацию как «определенный тип наблюдения», а не обмен актами осознания.

Напомню, что речь идет не о наблюдении как усмотрении какой-то части внешнего мира мыслящей субстанцией сознания с последующей репрезентацией усмотренного в языке. В нашем случае наблюдение системы, есть то, что система (конкретная личность, организм, социум) *своими различиями только реагирует на различия во внешнем мире, но не переносит их в себя*. Иначе говоря, «объективные» изменения внешнего мира не проникают (не переходят) в систему. От внешнего мира система может принять или не принять сообщение – импульс, (возбуждение, ирритацию), которое может стать или не стать той или иной информацией *только в самой системе*. Таким образом, конфигурация внутренних различий/смыслов системы (закрепленная иерархия различий) превращают сообщение в конкретную для данной системы информацию.

Поясним сказанное на примерах выстраивания речевой/языковой коммуникации. Так, один человек говорит другому (передает сообщение): «Ты слышал, что на Фукусиме-1 снова произошла утечка радиации». То есть, речь идет о каком-то событии. Другой, адресат, может реферировать поступившее сообщение в самых разнообразных модальностях: от «Атомные станции – большой риск для населения любой страны», до «Он со мной заговорил о Фукусиме, чтобы я не вспомнил, что сегодня он должен вернуть долг». В соответствии с тем, в *какую* информацию превратилось сообщение, ответы могут быть также самыми неожиданными и контингентно непредсказуемыми для адресанта, соответственно: от «Катастрофа, но японцы справятся с этой бедой» до «Ты мне зубы не заговаривай. Когда деньги вернешь?»

Таких «информаций» и неожиданных ответов, вытекающих из одного сообщения, может быть достаточно много. Можно сказать, что нет такого вызывания, которое несет в себе строго определенный набор ответов на него, как, впрочем, не бывает предложений, которые в точности соответствовали бы *своему* смыслу (А. Уайтхед). Предельно кратко несовпадение сообщения и информации передается в известном анекдоте: «Рабинович, как здоровье? – Не дождетесь».

Но если сообщение не совпадает с информацией. Что же тогда понимание? *Понимание* – это различие различия. Понимание вырастает из «различия второго порядка» (Луман), между тем, что возможно (опять-таки, предположительно для адресанта) несло сообщение и что из него было отобрано и преобразовано в инфор-

мацию (смысл). Модель наблюдения второго порядка в системной теории коммуникации только в общем виде напоминает рефлексивную модель Г. Щедровицкого, однако, по сути, не является таковой. Можно сказать, что вышеприведенные комментарии к примерам несовпадения сообщения и информации могут служить также демонстрацией понимания как различия второго порядка, теперь уже выстроенным над тем, которое адресант «понял», убедившись в неадекватности первичного ответа на заданный вопрос. По сути, на примере акта коммуникации (сообщение-информация-понимание), мы можем усмотреть то, как непрогнозируемо, спонтанно, контингентно возникают неопределенности — равно как в языковом общении, так и социальной коммуникации в целом.

Таким образом, логика различений, как фон, сокрытый от непосредственного «всматривания» в общественную жизнь и интерпретации ее многочисленных определений, позволяет подойти к теории общества с иных позиций. Если бы социальные теории, все больше приближали нас к таким законам общества или неразложимым его первоэлементам, которые предопределяли бы усмотрение «сущности общественного развития», его миссии или чего-то подобного, то неопределенностей, по мере приближения к цели, становилось бы все меньше. В действительности же все выглядит так, что в усложняющемся социуме количество неожиданных порождений, всякого рода социальных новаций, а также связанных с ними социальных рисков только возрастает.

Итак, понимание в коммуникации — означает проявление свойства системы различать сообщение и то, что стало информацией в системе. Здесь неуместно слово «осознание», так как «система сознание» и «система коммуникация» не одно и то же. Из сказанного вытекает одно из основных положений системной теории коммуникации: *социальная коммуникация протекает только через сознание, посредством сознания, но на уровне операций никогда не является сознанием.*

Сознание Другого (Alter) принципиально недоступно для меня. Оно не может «переливаться» в мое сознание, «переходить» в него, принципиально не может осуществлять, как принято говорить, «обмен информацией». Аналогия с товарно-денежными отношениями, со своего рода производством сознания и его последующим обменом, не является корректной для представления о функционировании социальной коммуникации. Если здесь и уместна какая-то аналогия, то — с процессами, которые происходят в современной постиндустриальной экономике знания с ее нематериальным когнитивным капиталом, который уже никак невозможно рассчитать по аналогии с капиталом материальным — посредством установления стоимостного выражения труда за единицу рабочего времени и т.д.

Когнитивный капитал запустил такие процессы, при которых, по определению А. Горца, результат накопления знания и стоимости не поддается точному вычислению, так как полностью зависит от контекстов [3, 158]. В этом отношении коммуникация субъектов, располагающих сознанием отличается от взаимодействия (эволюции) клеток и организмов в животном мире только одним приобретенным в эволюции свойством — а именно тем, что субъекты могут располагать позицией наблюдателя 2-го порядка. Напомним еще раз, что речь идет о наблюдателе в коммуникативной его интерпретации, тогда как сама коммуникация в обществе, также, как и эволюция живых организмов, в широком (нелокальном) смысле слова, вовсе не строится по какой-то предустановленной схеме (модели, замыслу, цели). Коммуникацию в целом следует рассматривать как изобретение эволюции. По определению того же

Лумана: «Коммуникация – очень устойчивое и чрезвычайно эластичное изобретение эволюции» [4, 228]. Эволюция живых организмов и коммуникация обе, в длительной исторической перспективе, непредсказуемы.

4. Непредсказуемость

Неопределенность (контингентность выбора) траекторий будущего развития выступает непреложным условием разрастания и усложнения социума. Данный тезис распространяется как на весь социум, так и на отграничивающие себя в нём самостоятельные (самостроящиеся – аутопойетические) техно-социальные системы – финансовый рынок, СМИ, Интернет..., которые порождают многочисленные социальные риски с непредсказуемыми последствиями.

Возвращаясь к приведенным в начале статьи строкам Иосифа Бродского, следует заметить, что «случайное» не только «является неизбежным», но, применительно к социальным теориям, – еще и испытанием нашей теоретической состоятельности и зрелости. В контексте сказанного, такая зрелость обретается в ходе постижения исследовательских стратегий сложных социальных систем. С этими разрастающимися системами современный человек беспрестанно вступает в отношения, не переставая претендовать при этом на перехват управления ими. В свою очередь социальные системы предлагают исследователю не роль лоцмана, который ведет социальный корабль по безопасному маршруту, а полную опасностей Одиссею или рольномады, всегда идущего туда, где никто еще до него не был.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берлин И. Естественная ли наука история // Берлин И. Философия свободы. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
2. Боброва А. Идеи Дж. Спенсера Брауна в интерпретации Н. Лумана // Вестник РГГУ. – 2013. – № 11. – С. 102-110.
3. Горц А. Нематериальное. Знание. Стоимость и капитал [Текст] Пер. с нем. и фр. М. Сокольской. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2010.
4. Луман Н. Введение в системную теорию: Пер. с нем. К. Тимофеева. – М., 2007.
5. Луман Н. Общество общества. Т. 1-2. – М.: Издательство “Логос”, 2011.
6. Матурана Ф., Варела У. Древо познания: Пер. с англ. Ю. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
7. Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени. – М.: Академический проект, 2015.
8. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность: Пер. с англ. И.В. Хестановой и Р.З. Хестанова. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
9. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики: Пер. с французского. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
10. Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004.
11. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций: Пер. с нем. – 2-е изд., испр. – М.: «Весь мир», 2008.
12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: Пер. с нем. – СПб.: «Наука», 2001.
13. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем. / Под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк., 1991.
14. Maturana H.R., Varela F.J. *Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living.* – Dordrecht, Reidel Publishing Company, 1980.
15. Peirce C.S. *The Logic of Mathematics; An Attempt to Develop My Categories from Within. Collected papers.* Vols. 1–8. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1958–1966. CP 1.444.
16. Spencer Brown G. *Laws of Form.* Georg Allen and Unwin Ltd. – London, 1969.

BIBLIOGRAPHY

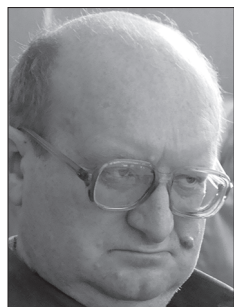
1. Berlin I. Estestvennaya li nauka istoriya // Berlin I. Filosofiya svobody. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
2. Bobrova A. Idei Dzh. Spensera Brauna v interpretatsii N. Lumana // Vestnik RGGU. – 2013. – № 11. – С. 102-110.

3. Gorts A. Nematerialnoe. Znanie. Stoimost i kapital [Tekst] Per. s nem. i fr. M. Sokolskoy. — M.: Izd. Dom GU VShE, 2010.
4. Luman N. Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu: Per. s nem. K. Timofeeva. — M., 2007.
5. Luman N. Obshchestvo obshchestva. T. 1-2. — M.: Izdatelstvo "Logos", 2011.
6. Maturana F., Varela U. Drevo poznaniya: Per. s angl. Yu. Danilova. — M.: Progress-Traditsiya, 2001.
7. Molchanov V.I. Fenomen prostranstva i proiskhozhdenie vremeni. — M.: Akademicheskii proekt, 2015.
8. Rortí R. Sluchaynost, ironiya i solidarnost: Per. s angl. I.V. Khestanovoy i R.Z. Khestanova. — M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996.
9. Sosyur F. Kurs obshchey lingvistiki: Per. s frantsuzskogo. — M.: Editorial URSS, 2004.
10. Fuko M. Arkheologiya znaniya. — SPb.: ITs «Gumanitarnaya akademiya»; Universitetskaya kniga, 2004.
11. Khabermas Yu. Filosofskiy diskurs o moderne. Dvenadtsat lektsiy: Per. s nem. — 2-e izd., ispr. — M.: «Ves mir», 2008.
12. Khabermas Yu. Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie: Per. s nem. — SPb.: «Nauka», 2001.
13. Khaydegger M. Izrechenie Anaksimandra // Khaydegger M. Razgovor na proselochnoy doroge: Sbornik. Per. s nem. / Pod red. A.L. Dobrokhotova. — M.: Vyssh. shk., 1991.
14. Maturana H.R., Varela F.J. *Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living.* — Dordrecht, Reidel Publishing Company, 1980.
15. Peirce C.S. The Logic of Mathematics; An Attempt to Develop My Categories from Within. *Collected papers.* Vols. 1–8. — Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1958–1966. CP 1.444.
16. Spencer Brown G. *Laws of Form.* Georg Allen and Unwin Ltd. — London, 1969.

Поступила в редакцию 04.09.2015

UDC 303.1

DOI: 1606-951X.2015.2.2084

А.М.ОРЕХОВ

О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: РАЗЛИЧИЕ ИЛИ ЕДИНСТВО

Аннотация: В статье проводится различие «дивизионизма» и «юнитизма» — двух специфических методологий исследования природы социально-гуманитарного знания. «Дивизионизм» изначально требует его разделения на знание «социальное» и «гуманитарное», и только на втором этапе, предлагает синтезировать полученные результаты в междисциплинарный концепт «социально-гуманитарное знание». «Юнитизм» уже первоначально требует рассматривать «социальное» и «гуманитарное» знание в их абсолютном единстве. Разделение социального и гуманитарного знания имеет место лишь с появления неокантианства и герменевтики. В современной философии науки дивизионизм представлен институционализмом, логическим позитивизмом, аналитической философией;

Орехов Андрей Михайлович - доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии РУДН, ученый секретарь Межвузовского центра социальной теории РУДН (Москва). E-mail: orekhovandrey@yandex.ru, orekhovandrey@mail.ru.